

Кравчик Даниил Эдуардович,
аспирант кафедры теории и истории права
и государства, Южно-Российский
институт управления – филиал РАНХиГС
при Президенте РФ, 344002, г. Ростов-на-
Дону, ул. Пушкинская, д. 70,
email: Kravchikd@yandex.ru

Kravchik, Daniil E.,
Postgraduate Student, The Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
70 Pushkinskaya Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: Kravchikd@yandex.ru

ИНСТИТУТЫ СОВЕТСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО НАРОДОВЛАСТИЯ (1950-е – середина 1980-х гг.): ПРОТИВОРЕЧИЕ НОРМАТИВНОГО ИДЕАЛА И ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

INSTITUTES OF SOVIET REPRESENTATIVE DEMOCRACY (1950s – mid-1980s): THE CONTRADICTION OF THE NORMATIVE IDEAL AND POLITICAL AND LEGAL REALITY

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена историко-правовому анализу реализации представительной формы народовластия в СССР в период с середины 1950-х до середины 1980-х гг. Преодоление сложившейся в историографии дихотомии взглядов, колеблющейся между апологетикой и отрицанием значимости, требует выхода за рамки нормативного анализа и обращения к архивным материалам, отражающим практику функционирования институтов советского народовластия.

Цель исследования – выявить и проанализировать разрыв между теоретической моделью советского народовластия и реальными механизмами работы системы советов. Методологическую основу составляет сочетание формально-юридического и историко-правового методов, что позволяет сопоставить нормативные предписания с данными архивной статистики, отчетов и протоколов.

Научная новизна исследования заключается в привлечении широкого круга ранее не опубликованных архивных источников для реконструкции повседневной деятельности советских представительных органов.

Автор приходит к выводу о том, что фундаментальное противоречие системы заключалось в сочетании формального развития институтов представительной демократии с монополией на принятие решений в рамках партийно-административного аппарата. Руковод-

ABSTRACT. The article is devoted to the historical and legal analysis of the implementation of the representative form of democracy in the USSR from the mid-1950s to the mid-1980s. Overcoming the dichotomy of the views that flows in the historiography, which fluctuates between apologetics and the denial of significance, requires going beyond the normative analysis and appeal to archival materials that reflect the practice of the functioning of Soviet people's nationwide institutions. The purpose of the study is to identify and analyze the gap between the theoretical model of Soviet people's democracy and the real mechanisms of the work system. The methodological basis is a combination of formal-legal and historical and legal methods, which allows you to compare regulatory requirements with the data of archival statistics, reports and protocols. The scientific novelty of the study lies in attracting a wide range of previously not published archival sources for the reconstruction of the daily activities of Soviet representative bodies. The author concludes that the fundamental contradiction of the system was a combination of the formal development of institutional democracy institutions with a monopoly on decision-making within the framework of the party and administrative apparatus. The leading role of the CPSU (Article 6 of the Constitution of the USSR of 1977) turned advice into the Institute for authorizing decisions adopted in party instances. The organizational complexity and variety of forms of

дьящая роль КПСС (ст. 6 Конституции СССР 1977 г.) превращала советы в институт санкционирования решений, принятых в партийных инстанциях. Организационная сложность и многообразие форм участия не обеспечивали влияния населения на управленческие процессы. Этот вывод имеет значение для понимания не только советской политической системы, но и общих закономерностей развития представительных институтов в условиях ограниченной демократии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: советское народовластие, представительная демократия, Советы народных депутатов, отзыв депутатов, политическая система СССР, демократический централизм, исполнительные комитеты (исполкомы), постоянные комиссии, обращения граждан, Конституция СССР 1977 г.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Кравчик, Д. Э. Институты советского представительного народовластия (1950-е – середина 1980-х гг.): противоречие нормативного идеала и политико-правовой реальности / Д. Э. Кравчик. – Текст: непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 4. – С. 179–185. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-4-23

Преодоление сложившейся в юридической науке дихотомии взглядов на советское народовластие невозможно только посредством анализа законодательства. Объективная научная оценка этого феномена требует комплексного историко-правового исследования, ориентированного на изучение практики и реального функционирования институтов советского народовластия. Конституции СССР 1936 и 1977 гг. декларировали широкие права граждан на участие в управлении государством. Законодательно был закреплён разветвлённый механизм советского народовластия, представлявший собой соединение институтов государственной власти и общественного самоуправления.

Однако, как справедливо отмечается в научной литературе, практика зачастую существенно расходилась с нормативным идеалом. Изучение этого разрыва позволяет сформировать взвешанный и научно обоснованный подход к советскому представительному народовластью, его положительному опыту и негативным проявлениям.

Целью данной статьи является обобщение опыта реализации представительной формы народовластия через систему советов в период со второй половины 1950-х до середины 1980-х

participation did not ensure the influence of the population on managerial processes. This conclusion is important for understanding not only the Soviet political system, but also the general laws of development of representative institutions in conditions of limited democracy.

KEYWORDS: Soviet democracy, representative democracy, councils of people's deputies, the review of deputies, the political system of the USSR, democratic centralism, executive committees (executive committees), permanent commissions, appeals of citizens, the Constitution of the USSR in 1977

FOR CITATION:

Kravchik, D. E. (2025) Institutes of Soviet Representative Democracy (1950s – mid-1980s): the Contradiction of the Normative Ideal and Political and Legal Reality. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 12(4): 179–185 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-4-23

гг. Для этого осуществлён анализ нормативных основ системы советских представительных органов, изучена организационная структура и практика работы советов разных уровней, дана оценка эффективности институтов обратной связи с населением.

Хронологические рамки исследования охватывают период от хрущёвской оттепели с попытками демократизации и активизации работы советов до эпохи развитого социализма и начала системного политического кризиса в СССР.

Законодательство рассматриваемого периода (законы СССР, указы Президиума ВС СССР, республиканские законы, положения и регламенты), а также партийные постановления образовали целостный массив, направленный на реализацию идеи общенародного государства. Оживление представительной демократии достигалось восстановлением сессионной работы советов, расширением их полномочий (особенно это касалось местных советов), активизацией комиссий, укреплением связей с населением, восстановлением института отзыва депутатов [1, с. 75–77].

Законодательное стимулирование и регулирование массовых форм прямого участия населения в управлении (практика всенародных

обсуждений; республиканские положения о товарищеских судах, народных дружинах; типовые положения об уличках, домкомах, утверждаемые исполкомами) способствовали созданию разветвленной системы общественных организаций как инструмента вовлечения масс в управление [11, с. 22–29].

Согласно ст. 2 и 5 Конституции СССР 1977 г. вся власть в стране принадлежала народу, который осуществлял ее через Советы народных депутатов, а также непосредственно. В советской юридической доктрине закреплялась идея единства обеих форм народовластия. Непосредственные формы («низовая демократия») дополняли представительные, создавая «единую систему социалистического народовластия» [9, с. 67]. Статья 5 Конституции СССР 1977 г. объединяла обе формы как единую систему органов советской власти.

Теоретическое разграничение проводилось через дифференциацию по сферам компетенции, методам, субъектам и юридической силе принимаемых советами решений [3, с. 75–77]. Представительное народовластие осуществлялось через избранные народом органы – Советы народных депутатов. В теории государственного права его классические признаки включали следующее: легитимность через выборы; полновластие органа в пределах своей компетенции; коллегиальность принятия решений; императивный или свободный мандат депутатов; законодательную и контрольную компетенцию; публичность деятельности [7, с. 56–58].

В СССР эти признаки были конституционно закреплены, но реализованы через призму социалистической доктрины, что породило специфические черты системы советов. К ним относились: провозглашенное принципом демократического централизма единство законодательной и исполнительной деятельности [15, с. 21], руководящая роль КПСС (ст. 6 Конституции СССР 1977 г.), а также соединение представительной и исполнительной власти (ст. 2, 94). Советы формировали подотчетные им исполнительные комитеты (исполкомы), что противоречило классическому принципу разделения властей.

Все Советы избирались населением на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании. Однако

до 1988 г. порядок выборов, определявшийся Законом СССР от 6 июля 1978 г. «О выборах в Верховный Совет СССР», хотя и допускал обсуждение при выдвижении кандидатов, но исключал альтернативность в ходе выборов депутатов, закрепляя принцип «один кандидат на одно место» [8].

Нормативная модель сочеталась с изначальным ограничением конкурентности и свободы выбора. Так, Секретная инструкция ЦК КПСС обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик «О ходе подготовки к выборам в Верховный Совет СССР» (1958 г.) содержала следующее указание: «...обеспечить выдвижение и регистрацию кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР только тех товарищей, которые пользуются заслуженным авторитетом у трудящихся и безусловно преданы делу Коммунистической партии... Всем партийным организациям принять меры к тому, чтобы не допустить выдвижения на собраниях лиц, которые могут быть использованы враждебными элементами...» [2, с. 95]. Поэтому результаты выборов редко существенно влияли на принятие решений.

Организационная структура системы Советов была строго иерархичной и включала несколько уровней: Верховный Совет СССР, Верховные Советы союзных и автономных республик, а также местные Советы (краевые, областные, автономных областей, автономных округов, районные, городские, районные в городах, поселковые и сельские) [10, с. 113–118].

Принцип демократического централизма, закрепленный в Конституции СССР 1977 г., выражался в иерархической подчиненности представительных органов: решения вышестоящих Советов были обязательны для нижестоящих; исполкомы находились в режиме двойного подчинения (своему Совету и вышестоящему исполкому) [12, с. 12].

На практике это создавало системную дихотомию. Формально все Советы составляли единую систему, но их реальные функции и объем полномочий кардинально различались. Верховный Совет СССР обладал исключительным правом принятия общесоюзных законов и решения вопросов войны и мира [17, с. 31]. Верховные Советы союзных республик обладали правом принятия собственных конституций и кодексов, действующих в пределах террито-

рии республики и не противоречащих основам общесоюзного законодательства. Кроме того, в сфере государственного строительства они имели исключительное право ходатайствовать перед Верховным Советом СССР об образовании новых автономных республик и автономных областей в своем составе, тем самым влияя на национально-территориальное устройство федерации.

Верховные Советы автономных республик, в отличие от союзных, обладали более узкой компетенцией, не имели внешнеполитических функций и права законодательной инициативы на общесоюзном уровне, что подчеркивало их подчиненный статус в федеративной структуре СССР. Местные Советы занимались преимущественно хозяйственными и социально-бытовыми вопросами на своей территории. Концентрация реальных властных полномочий была на верхних уровнях советской системы.

Серьезным противоречием в работе системы советов была особая роль исполнительных комитетов. Формально избираемые советами, исполкомы, обладая профессиональным аппаратом, де-факто подменяли деятельность депутатского корпуса. Как справедливо указывает К. С. Смирнова, деятельность советов только «формально олицетворяла собой высшую народную власть на местах» [14, с. 8]. Фактически она определялась и направлялась руководящими указаниями органов КПСС. Сессии Советов часто носили формальный, парадный характер, в то время как текущее управление осуществлялось исполкомами в соответствии с директивами партийных комитетов.

Вместе с тем новации в организации и деятельности системы советов в указанный период имели большое практическое значение. Значимым практическим последствием правового урегулирования деятельности местных Советов стало расширение их полномочий и профессионализация кадрового состава депутатского корпуса [19, с. 275–277].

Количественные показатели о состоянии системы советов свидетельствовали о ее кадровой мощи и широком социальном представительстве. Самым многочисленным звеном являлись сельские и поселковые Советы, в которые избирались почти 1,5 млн депутатов, что формально обеспечивало связь власти с населением [5, л. 1].

Предпринимаемые усилия по профессионализации кадрового состава проявлялись в повышении образовательного уровня руководителей исполкомов: к началу 1970-х гг. около 63 % председателей сельских и 77 % поселковых Советов имели высшее или среднее образование, при этом свыше 90 % из них состояли в КПСС, что обеспечивало идеологическую лояльность системе.

Социальный состав депутатского корпуса отличался репрезентативностью: в местные Советы избирались рабочие, колхозники и интеллигенция. Например, в Воронежской области в 1967 г. где среди 22 528 депутатов было 3832 рабочих, 9681 колхозник и 9015 специалистов и служащих [20, с. 56–57]. Однако эта массовость и внешнее разнообразие скрывали такое противоречие, как формальное представительство. Оно не подкреплялось реальными властными полномочиями депутатов. Их деятельность контролировалась партийно-административным аппаратом.

Важным элементом системы народовластия были постоянные комиссии Советов. В 1960–1980-х гг. их роль постепенно росла. Они перестали быть лишь подготовительными органами и начали самостоятельно рассматривать значительный круг вопросов, ранее относившихся к компетенции штатных отделов исполкомов. Это расширение функций стало возможным благодаря отраслевому принципу организации комиссий, который позволял привлекать к работе специалистов – директоров предприятий, агрономов, педагогов, что повышало качество проработки решений. Решения комиссий все чаще приобретали обязательный, а не рекомендательный характер для исполкомов и подведомственных организаций, как это видно на примере деятельности комиссии в Йошкар-Оле, которая осуществляла самостоятельный контроль за учебно-воспитательным процессом [18, с. 7–11].

В советской литературе описаны многочисленные случаи результативной работы постоянных комиссий. Так, Комиссия по сельскому хозяйству Медведевского райсовета Марийской АССР обязывала управляющего отделением «Сельхозтехники» устранять недостатки в работе [18, с. 29]. В Ленинградской области в 1980 г. внештатная межведомственная комиссия облисполкома проводила активную при-

родоохранную работу, по итогам проверок которой генеральным директорам объявлялись выговоры, а материалы передавались в прокуратуру [16, л. 5–7].

Самым массовым активом Советов были органы общественной самодеятельности трудящихся: уличные и домовые комитеты, женские советы, советы содействия семье и школе, народные дружины, товарищеские суды и др. Советы опирались на эти организации и с их помощью укрепляли свои связи с населением. Отдельные организации имели утвержденные исполкомом областного Совета положения, например положение об уличных комитетах в городах, рабочих поселках и сельских поселениях области.

Однако в работе этих органов были и серьезные недостатки. Многие комиссии бездействовали, исполкомы не привлекали их к планированию, их решения часто оставались рекомендательными [3, с. 75–77]. В сельской местности комиссии сталкивались с нехваткой квалифицированных кадров, а их инициатива нередко сдерживалась рамками, заданными вышестоящими государственными органами. Их практическая значимость сильно зависела от качества руководства исполкомов и парторганов. Эти институты так и не смогли преодолеть свою зависимость от государственно-партийного аппарата и стать подлинными органами общественного самоуправления.

Проведенное исследование показывает, что наиболее значимым итогом реформирования системы Советов стало создание комплекса институционально-правовых механизмов, обеспечивающих устойчивую обратную связь между органами представительного народовластия и населением. Данный комплекс включал в себя не только юридическое закрепление статуса и полномочий этих институтов, но и детальную проработку процедур их взаимодействия с гражданами.

Так, институт обращений (заявления, предложения, жалобы) граждан играл особую роль в системе советского представительства, выступая каналом оперативной обратной связи. В отличие от формализованных ритуалов отчетности депутатов он позволял населению напрямую влиять на решение конкретных бытовых и социальных проблем, тем самым компенсируя ограниченность других демократических меха-

низмов и обеспечивая реагирование власти на запросы общества. Издание Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 г. «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан» систематизировало эту работу.

Анализ архивной статистики демонстрирует активное использование этого канала населением. Например, в Свердловский облисполком в 1968 г. поступило 3348 заявлений, а на личный прием пришло 674 человека. Анализ данных по Ленинградской области за 1982–1983 гг. показывает, что значительный объем устных обращений в сельские советы (27 804) по сравнению с письменными (6044) свидетельствует о неформальном характере взаимодействия на низовом уровне. В городских советах соотношение было более сбалансированным (12 788 устных и 10 165 письменных), а в областном совете преобладали письменные обращения (6397 против 1908 устных), что подтверждает иерархичность системы [16, л. 27–29].

Обращения использовались для совершенствования законодательства. Ряд предложений граждан был учтен при разработке нормативных актов по пенсионному обеспечению, трудовому и жилищному законодательству. Вместе с тем преобладание в низовых органах бытовых запросов (жилье, благоустройство) и рост числа обращений по сложным вопросам в область подтверждают ограниченность реальных полномочий местных Советов.

В отличие от обращений, институты наказов избирателей и отчетности депутатов, будучи наиболее массовыми (в 1977 г. прошло 32 787 отчетных собраний с участием 52 млн граждан), оказались глубоко формализованными. Архивные данные (например, отчеты депутатов Ленинградской области) свидетельствуют о единообразном, ритуализированном характере этих мероприятий. Отчеты депутатов имели заданную структуру: упоминание о верности решениям партии, обширные статистические данные о выполнении планов, и лишь в редуцированном виде – информация о наказах избирателей («95 наказов принято, 38 выполнено») без детализации конкретных проблем.

Содержание наказов (строительство бань, больниц, ремонт дорог, улучшение снабжения) свидетельствовало о жизненно важных запросах граждан, которые в отчетах растворялись

в безликой статистике. Как отмечают исследователи, подобные отчеты превращались в «фабрику по производству формальных показателей лояльности», а не в диалог с населением [6, с. 117]. Их глубинным недостатком была бюрократизация: они стали элементом вертикали отчетности перед вышестоящими органами, а не инструментом контроля снизу.

Институт отзыва депутатов, формально считавшийся инструментом контроля избирателями депутатов, также не стал полноценным механизмом народовластия. Необходимость высоких кворумов и организационной поддержки делала независимую народную инициативу практически неосуществимой. Контроль на всех этапах осуществляли партийные и советские органы.

Известны случаи отзыва, например, депутатов от Ставропольского края в 1961 г. после критики Н. С. Хрущевым местного руководства [4, с. 160–161]. Другой пример – отзыв депутата Совета Национальностей А. Хайдарова, который был инициирован только после его снятия с поста первого секретаря обкома партии за допущенные ошибки [13, л. 2, 3]. Эти примеры показывают, что отзыв использовался как инструмент дисциплинарного воздействия партии на депутатов, а не как выражение воли избирателей.

Проведенное исследование позволяет заключить, что советская система представительного народовластия в 1950-х – середине 1980-х гг. представляла собой сложный и внутренне противоречивый феномен. С одной стороны, она демонстрировала развитие мощной институциональной структуры: всеобъемлющий характер представительства, массовость депутатского корпуса, широкое социальное и гендерное представительство, тенденция к профессионализации, развитая сеть постоянных комиссий и внештатных органов. Каналы обратной связи были созданы и активно использовались населением, особенно институт обращений граждан, который позволял решать множество бытовых проблем.

С другой стороны, фундаментальным и системным ограничением всей этой конструкции была монополия КПСС на принятие ключевых политических и управленческих решений. Принцип демократического централизма на практике обернулся жесткой административной

вертикалью, а руководящая роль партии (ст. 6 Конституции СССР 1977 г.) – подменой власти советов властью исполкомов и партийных комитетов. Институты демократии – выборы, отчеты, наказания – подверглись глубокой формализации и ритуализации, превратившись в инструменты символической легитимации существующего режима, а не реального народовластия.

Система обеспечивала массовое формальное участие и каналы для обратной связи по бытовым вопросам, но была системно не способна стать инструментом реального влияния общества на государственную политику, оставаясь механизмом легитимации и санкционирования решений, принятых в недрах партийной вертикали.

Таким образом, главным противоречием системы стал разрыв между развитой инфраструктурой представительной демократии и ее действительным состоянием, вызванным содержательным выхолащиванием. Этот исторический опыт свидетельствует о том, что без обеспечения реальной независимости представительных органов, конкурентности и настоящего выбора, а также без действенных механизмов подконтрольности власти обществу даже самая развитая система представительных институтов рискует остаться лишь декорацией, прикрывающей монополию на власть узкой группы управленцев.

Список использованных источников

1. Авакьян С. А. Правовое регулирование деятельности Советов: (конституционные основы, теория, практика). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 176 с.
2. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957: документы / сост. Е. С. Афанасьева, В. Ю. Афиани, З. К. Водопьянова [и др.]. М.: РОССПЭН, 2001. 805 с.
3. Банных М. П. Комиссии исполкомов местных Советов. М.: Юридическая литература, 1968. 87 с.
4. Богданова Е. В. Отзыв депутатов в СССР: теория и практика (на материалах Ставропольского края, 1960–1980-е гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8, № 6/1. С. 158–165.
5. Государственный архив Российской Федерации. Фонд 7523 опись 101. Дело 702. Л. 1.
6. Гельман В. Я. Из огня да в полымя: российская политика после СССР. СПб.: БХВ-Петербург, 2013. 255 с.
7. Григорян Л. А. Народовластие в СССР. М.: Юридическая литература, 1972. 200 с.
8. Закон СССР от 6 июля 1978 г. № 7772-IX «О выборах в Верховный Совет СССР» // Ведомости ВС СССР. 1978. № 28. Ст. 441.

9. Кабышев В. Т. Народовластие развитого социализма: конституционные вопросы. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1979. 145 с.
10. Ким А. И. Государственная власть и народное представительство в СССР: государственно-правовое исследование. Томск: Изд-во Томского университета, 1975. 216 с.
11. Лукьянов А. И. Единство системы Советов и его закрепление в законодательстве // Советское государство и право. 1968. № 9. С. 21–30.
12. Погорелко В. Ф. Местные Советы в механизме осуществления функций советского общенародного государства. Киев: Наукова думка, 1986. 232 с.
13. Российский государственный исторический архив. Фонд 7523. Опись 101. Дело 579. 32 л.
14. Смирнова К. С. Местные советы депутатов трудящихся в советском государстве периода «оттепели» (1953–1964 гг.): историко-правовое исследование: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. 28 с.
15. Топорнин Б. Н. О системе органов государственной власти в СССР // Советское государство и право. 1977. № 7. С. 21–29.
16. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф 7179. Опись 61. Дело 232. 39 л.
17. Чехарин Е. М. Советы народных депутатов – воплощение народовластия. Москва: Юридическая литература, 1978. 104 с.
18. Шабалин М. К. Советы общенародного государства: О развитии общественных начал в работе местных Советов. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1966. 56 с.
19. Шатковская Т. В. История отечественного государства и права. Ростов н/Д: Феникс, 2015. 364 с.
20. Юдин П. Ю. Рабочий класс в управлении общенародным государством: по материалам РСФСР (1961–1971 гг.). Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1984. 119 с.
5. State Archives of the Russian Federation. F. 7523. Inv. 101. Case 702. Sh. 1 [in Russ.].
6. Gelman V. Ya. From fire and to the move: Russian politics after the USSR. St. Petersburg: BHV-Petersburg, 2013. 255 p. [in Russ.].
7. Grigoryan L. A. Democracy in the USSR. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1972. 200 p. [in Russ.].
8. The Law of the USSR dated June 6, 1978 No. 7772-IX “On elections to the Supreme Council of the USSR”. *Bulletins of the Supreme Soviet of the USSR*. 1978. No. 28. Art. 441 [in Russ.].
9. Kabyshev V. T. The democracy of developed socialism: constitutional issues. Saratov: Publishing House of Saratov University, 1979. 145 p. [in Russ.].
10. Kim A. I. State power and public representation in the USSR: state-owned study. Tomsk: Publishing house of Tomsk University, 1975. 216 p. [in Russ.].
11. Lukyanov A. I. The unity of the system of Soviets and its consolidation in the legislation. *Soviet State and Law*. 1968. No. 9. P. 21–30 [in Russ.].
12. Pogorelko V. F. Local councils in the mechanism of the functions of the Soviet public state. Kiev: Naukova Dumka, 1986. 232 p. [in Russ.].
13. Russian State Historical Archives. F. 7523. Inv. 101. Case 579. 32 sh. [in Russ.].
14. Smirnova K. S. Local councils of the deputies of working people in the Soviet state of the “Thaw” period (1953–1964): Historical and legal research: synopsis of a thesis for the degree of PhD in Law. Rostov-on-Don, 2009. 28 p. [in Russ.].
15. Toporenin B. N. On the system of state authorities in the USSR. *Soviet State and Law*. 1977. No. 7. P. 21–29 [in Russ.].
16. Central State Archives of St. Petersburg. F. 7179. Inv. 61. Case 232. 39 sh. [in Russ.].
17. Chekharin E. M. The Soviets of People's Deputies – the embodiment of democracy. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1978. 104 p. [in Russ.].
18. Shabalin M. K. Tips of a public state: On the development of public principles in the work of local councils. Yoshkar-Ola: Marknigozizdat, 1966. 56 p. [in Russ.].
19. Shatkovskaya T. V. The history of the domestic state and law. Rostov-on-Don: Phoenix, 2015. 364 p. [in Russ.].
20. Yudin P. Yu. The working class in the management of a public state: according to the materials of the RSFSR (1961–1971). Leningrad: Publishing House of Leningrad University, 1984. 119 p. [in Russ.].

References

1. Avakyan S. A. Legal regulation of the activities of councils: (constitutional foundations, theory, practice). Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1980. 176 p. [in Russ.].
2. Afanasieva E. S., Afiani V. Yu., Vodopyanova Z. K. et al. (Comp.). The apparatus of the Central Committee of the CPSU and culture. 1953–1957: Documents. Moscow: ROSSPEN, 2001. 805 p. [in Russ.].
3. Bannykh M. P. Commission of executive committees of local councils. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1968. 87 p. [in Russ.].
4. Bogdanova E. V. The review of deputies in the USSR: theory and practice (based on the materials of the Stavropol Territory, 1960–1980s). *Historical and Socio-Educational Thought*. 2016. Vol. 8, No. 6/1. P. 158–165 [in Russ.].

Поступила в редакцию 18.09.2025
Received September 18, 2025